

Источник: Озеров Л. А. [О книге стихов А. Яшина «Совесь»] / Л. Озеров // Работа поэта : кн. ст. / Л. Озеров. — Москва, 1963. — С. 286–288.

* * *

У меня был соблазн назвать эту заметку так же, как названа книга, — «Совесь». Но тогда совесть оказалась бы в кавычках. А это в данном случае недопустимо, потому что у Яшина имеется в виду совесть *без кавычек*. И в этом значении его книги, ее новизна.

Ах, если бы все понимали,
Что это не просто слова,
Каких бы мы бел избежали.
И это не просто слова!

Совесь, искренность, скромность, заочность, трудолюбие, чистота — все это Яшин считает не только достоинством словарей, но и превращает в постоянные мерилы человеческих отношений. Так в этой связи на новом душевном опыте, на новом историческом материале возникает тема Ленина, сильно звучащая в книге как синоним совестливости и человечности.

Поэт говорит о взыскательной и действенной любви, и тут же возникает образ Ленина, в котором «не парадная, не напускная человеческая доброта». И далее: «Он делил с народом хлеб и воду и хвалился только тем, что есть».

И когда в книге возникает призыв: «Спешите делать добрые дела!» — я верю поэту и иду ему навстречу. Я знаю: это не слова. Это выстрадано, и я знаю, что стоит за этими словами.

Как завоевывает Яшин мои симпатии? Очень просто: он сообщает мне только то, во что верит, он не старается приукрасить себя и свои чувства.

Все чаще память изменяет,
Подводит.
Вот опять — пробел...
Но из нее не исчезает,
Что сам бы я забыть хотел.

У нас много авторов, устойчиво хорошо, превосходно, весьма благосклонно относящихся к себе и беспощадно — к другим. Мне куда ближе позиция Яшина: он беспощаден к себе и с добрым, открытым сердцем выходит к людям.

Перед всеми в долгу я,
А чем помогу?
Я много могу.
Ничего не могу.
От горя ушел,
От хвори ушел,
От смерти ушел —
От себя не могу.

Я давно не слышал в нашей поэзии таких воспаленных слов. Это не самобичевание. Это тоска по совершенству, святое беспокойство человека, держащего равнение на идеал. Эти слова не пригодятся цинику и покоробят ханжу. Но человеку труда они придутся по душе.

Яшин это знает. Вот почему он и спешит предупредить: «Боюсь, чтоб кичливость не помешала нам постигать иные миры».

Яростно обрушивается Яшин на двоедушие — этот тяжкий общественный порок:

Страшно любить и быть нелюбимым,
Жить с людьми,
А слыть нелюдимым,
Страшно недруга боготворить,
Правдою клясться
И зло творить.

Верно, сильно. Но концовка стихотворения, ее рецептурный характер не устраивает меня ни по существу, ни по форме. Убежденность и страсть уступают место назойливой дидактике:

Только терпенье, одно терпенье:
Выдюжить, выждать —
И в свой черед
Все образуется, боль пройдет.

Это сказано по типу: «ничего, до свадьбы заживет»...

Я поклонник далеко не всех книг Александра Яшина. Но эта книга о совести современника не может оставить равнодушным. Она рождена горячим сердцем.

* * *